

Арендт pro/contra Хайдеггер: ДИСКУССИЯ

ЭММАНЮЭЛЬ ФАЙ

Профессор, отделение философии, Руанский университет (Франция).

Адрес: 1 rue Lavoisier, Mont-Saint-Aignan 76821, France.

E-mail: emmanuel.faye@univ-rouen.fr.

АЛЕН ФИНКЕЛЬКРАУТ

Почетный член, отделение гуманитарных и общественных наук,

Политехническая школа. Адрес: École Polytechnique,

Département humanités et sciences sociales, Palaiseau 91128, France.

E-mail: alain.finkelkraut@polytechnique.edu.

Ключевые слова: Мартин Хайдеггер; Ханна Арендт; влияние Хайдеггера на Арендт; нацизм и философия; Аллен Финкелькраут; Эмманюэль Фай.

В ноябре 2016 года во французской телепередаче «Библиотека Медичи» состоялась встреча известных французских философов Эмманюэля Файя и Алена Финкелькраута, посвященная обсуждению книги первого из них «Арендт и Хайдеггер. Нацистское уничтожение и разрушение мысли» (2016), вышедшей спустя десятилетие после его же книги «Хайдеггер: введение нацизма в философию» (2005). В центре дискуссии не столько влияние нацизма Хайдеггера на его собственную философию (тема книги 2005 года), сколько послевоенные попытки Ханны Арендт оправдать Хайдеггера, в которых, согласно автору, следует видеть не только невинный эффект когда-то близких личных отношений между двумя индивидами.

Согласно Файю, Арендт находилась под влиянием мысли Хайдеггера отнюдь не только на студенческой скамье (и во время их романа). Он выявил в ее позициях элементы антидемократизма, проявившиеся и в оценке «еврейской вины» за холокост, и в «черном вопросе» (о месте афроамериканского компонента в американской культуре), и в вопросах об этносе, технике, потреблении. В свою очередь Финкелькраут в ходе дискуссии подчеркивал кардинальную важность мышления Арендт для нашего современного самоосознания и многообразное плодотворное влияние, оказанное Хайдеггером на современную, особенно французскую, мысль.

Ведущий: Не одного меня удивила или даже потрясла полная обвинений книга философа Эмманюэля Файя¹ не только о том, кого принято считать великим немецким философом, о Мартине Хайдеггере, но и о Ханне Арендт, его студентке и ученице, крупном философе, чьи идеи сегодня общепризнаны и являются пред-

- метом изучения во всех мировых университетах. Это настоящее потрясение — увидеть вот так, рядом, портреты Мартина Хайдеггера, члена нацистской партии, и Ханны Арендт, философа еврейского происхождения и вероисповедания, которая была вынуждена бежать из гитлеровской Германии и позднее освещала процесс Эйхмана в Иерусалиме — процесс, вызвавший масштабнейшую полемику.

Сегодня в «Библиотеку Медичи» мы пригласили для дискуссии, для спора двух видных философов — Эмманюэля Файя и Алена Финкелькраута. Спасибо вам обоим, что вы здесь. Ален Финкелькраут, вы всегда говорите о том, как восхищаетесь Ханной Арендт, вы часто ее цитируете.

Ален Финкелькраут: Я цитирую и Хайдеггера.

В.: Так вот, действительно ли Ханна Арендт — одна из крупнейших фигур, крупнейших свидетелей истории и крупнейших деятелей XX века?

А. Ф.: Да-да, она, безусловно, величайший философ. Для начала — это первая женщина-философ, настоящий философ с мировой известностью, блестящий, авторитетный. XX век богат женщинами-философами: это и Симона де Бовуар, и Симона Вейль, к сожалению умершая в 33 года, — но наследие Ханны Арендт возвышается над всем нашим веком.

1. См.: *Faye E. Arendt et Heidegger. Extermination nazie et destruction de la pensée.* P.: Albin Michel, 2016.

В.: Вот почему, возможно, следует пересмотреть ее работы через призму новых книг или по меньшей мере задаться вопросом о том, следует ли их пересматривать. Тут идет большая полемика и во Франции, и в США, и в довольно карикатурной манере даже в России, где один ультраправый мыслитель обращается к идеям Хайдеггера, а иногда даже и Ханны Арендт. Так вот, в любом случае сегодня благодаря вам обоим эта полемика продолжится и здесь, в «Библиотеке Медичи». А для вас, Эмманюэль Фай, Ханна Арендт тоже является иконой, о которой сейчас говорил Ален Финкелькраут?

Эмманюэль Фай: Да, я согласен с Аленом Финкелькраутом в том, что Ханна Арендт — ключевой свидетель, очевидец всех потрясенный XX века. Ее личная биография, безусловно, ставит ее на сторону жертв: в 1933 году ее арестовало гестапо. Когда через неделю ее выпустили, она бежала из Германии и снова была арестована полицией и режимом Виши, интернирована в концлагерь Гюрс, откуда ей удалось сбежать через три недели, после чего она оказалась в США. Так вот, перипетии ее жизни действительно делают ее выдающейся фигурой.

В.: Но ведь одним из источников вдохновения для нее был ее учитель Мартин Хайдеггер. В немецких университетах той эпохи она — редкий экземпляр: молодая женщина-философ еврейского происхождения. Но действительно ли она испытала влияние Хайдеггера?

Э. Ф.: Арендт училась в Марбургском университете у Хайдеггера, Лео Штрауса, Ханса Йонаса и других в 1924–1925 годах. Помимо прочего, она, как все мы узнали много позже, была любовницей своего преподавателя и испытала его сильное влияние. Но в 1932 году она порвала с ним, отправив ему письмо, в котором потребовала объяснений по поводу его «репутации ярого антисемита». Только в феврале 1950 года она возобновляет с ним личные отношения, встречается с ним в гостинице во Фрайбурге. Но уже начиная с 1949 года в своих неопубликованных письмах, которые мне удалось обнаружить в Германии, она упоминает, что восхищается Хайдеггером, тем, как он в «Письме о гуманизме», по ее словам, «взрывает» западную культуру и мысль. Эта брутальность ее завораживает — вот почему она следует за ним и разделяет его видение современности, нацизма, и тут-то и начинаются проблемы.

В.: Как вы показываете в своей книге, после войны она многое сделала для распространения идей Хайдеггера, для их принятия во всем мире.

Э. Ф.: Она стала его адвокатом.

В.: Вы упоминаете о том, что она была любовницей Хайдеггера, который никогда не скрывал своей любви к ней. Пусть они и встретились после войны в какой-то гостинице, но вы отмечаете мизогинное прочтение этого эпизода: «она вновь обрела своего любовника». Нет, это было нечто совершенно иное.

Э. Ф.: Да, личная жизнь Ханны Арендт касается лишь ее самой. Я говорю о ее идеях, о ее воззрениях на политику, об интеллектуальной связи, и это позволяет взглянуть на нее более серьезно, чем те, кто считает, что ее прославили лишь любовные отношения.

В.: Ален Финкелькраут, как я понимаю, вы со всем согласны?

А. Ф.: Я полагаю, что ее, безусловно, нужно воспринимать всерьез, хотя понимаю, что этим высказыванием тут же поставлю себя под удар. Донателла ди Чезаре, итальянский философ, опубликовавшая после выхода «Черных тетрадей» Хайдеггера очень важную книгу «Хайдеггер, евреи и Холокост», сказала: «Высочайшая мысль была отдана чудовищному ужасу». В этом и состоят тот позор и та загадка, с которыми нам нужно жить и которые нас мучают.

В.: И которые вы признаете?

А. Ф.: Естественно. Но тем не менее я полагаю — и я хочу сейчас же сказать об этом Эмманюэлю Файю, — что его они не мучают, поскольку для него мысль Хайдеггера — не высочайшая мысль. Вы пишете об этом в своей книге, во всех книгах, которые вы ему посвятили: вы относите его не к величайшим философам, но связываете его с Гитлером, Розенбергом и Геббельсом. Если позволите, я прочту последние строки вашей книги «Хайдеггер: введение нацизма в философию»² (да, именно так: «введение нацизма в философию»). Вы пишете:

2. См.: *Idem.* Heidegger — l'introduction du nazisme dans la philosophie. P.: Albin Michel, 2005.

Если бы его идеи так и распространялись по всей планете, но при этом не было бы возможности остановить проникновение нацизма в образование, могли бы мы быть уверены в том, что это не привело бы к эффекту, от которого человечество на этот раз не оправилось бы? Если так и будет продолжаться, мы вполне можем стать свидетелями новых кампаний по полному уничтожению мысли и истреблению человека.

Иными словами, вы выступаете за полное искоренение хайдеггеровской мысли, поскольку она целиком пропитана нацизмом. Вот в этом и проблема. Для начала удивительно, что вы предлагаете некий род антинацистского аутодафе, это весьма парадоксально. Но к тому же идеи Хайдеггера — это не только роман с Ханной Арендт и влияние на нее... Многие восточно-европейские диссиденты, например чешские, находились под сильнейшим влиянием Хайдеггера, выросли на нем: Паточка, Гавел, Кундера. Не говоря уже о евреях: Маркузе, Йонас, Левинас — последний называет его одним из пяти величайших философов всех времен. И вот здесь начинается история денацификации, которая никогда не закончится. Если философ-нацист, чистый нацист, оказывает влияние на другого философа, ненациста, выходит, в идеях этого последнего тоже есть нацизм?!

В.: Дорогой Ален Финкелькраут, по мнению некоторых из процитированных вами философов, в «Черных тетрадах» есть откровения, которые также есть и в его переписке с женой Эльфридой. В письме к брату он требует: «Ты еще не вступил в партию? Иди, поддержи их, несмотря на их перегибы».

А. Ф.: Левинас знал о нацистских идеях Хайдеггера, пусть даже и не читал «Черные тетради». Я полагаю, что для Ханны Арендт чтение «Черных тетрадей» было бы очень мучительно. Однако от этого (и в этом-то и состоит позор и загадка) идеи Хайдеггера не становятся менее великими, а их влияние на крупнейших философов еврейского происхождения в XX веке — менее бесспорным. Без Хайдеггера не было бы «принципа ответственности» Ханса Йонаса. Позже я объясню, почему суть идей Хайдеггера не имеет ничего общего с нацизмом, к которому он, однако, в какой-то момент пришел.

Э. Ф.: В отношении Арендт к философии меня потрясает вот что. Молодая Арендт поначалу пишет, что тайным королем мысли является Иммануил Кант, философ из Кенигсберга, где она провела свое детство. Позднее, после смерти Ясперса, когда она уже сво-

бодна от уз дружбы, связывавших ее с ним (а Ясперс очень критически относился к Хайдеггеру)...

В.: Извините. К 1933 году Ясперс покинул Германию и переехал в Базель, где и поселился. Его жена, Гертруда Майер, была еврейкой. Так вот, Хайдеггер однажды сказал своей жене: «Представь себе, он уехал из страны под влиянием еврейства».

Э. Ф.: Да. Так вот, Арндт лишает Канта королевского титула и в 1969 году, на хайдеггеровское 80-летие, говорит, что тайный король мысли — это он, Хайдеггер.

В.: Скажите, а лично вы считаете Хайдеггера одним из крупнейших мыслителей нашего времени?

Э. Ф.: Нет, я не считаю его одним из крупнейших философов наших дней, я здесь согласен с молодым Хансом Йонасом. Йонас в своих воспоминаниях называет учебу у Хайдеггера в Фрайбургском и Марбургском университетах «не философией, а, скорее, верой, практически новым видом секты». Он был настроен крайне критически. В 1965 году Йонас выступил в США с лекцией и был в ней крайне жесток по отношению к Хайдеггеру. И Левинас тоже — в этом плане я не могу согласиться с Аленом Финкелькраутом. Левинас говорит нам о том, что отказ Хайдеггера от техники представляет большую проблему.

В.: Давайте все же вернемся к нашей теме. Вы обвиняете Ханну Арндт в том, что она оправдывает антисемитские настроения интеллектуальной элиты Третьего рейха. Получается, что она их выгораживает?

Э. Ф.: Очевидно. В 1951 году в «Истоках тоталитаризма» Арндт пишет (цитирую): «Представители немецкой элиты, увлеченные тоталитарным движением, не имели совершенно никакого влияния на тоталитаризм». В этой связи она упоминает нацистского юриста Карла Шмитта как крайне достойного человека, а в немецком издании своей книги она к тому же называет его теоретиком права народов. Однако Шмитт — это человек, отстаивавший нюрнбергские расовые законы.

В.: Вы говорите, что для Ханны Арндт характерна особая, мучительная манера, в которой она пишет о концентрационных ла-

герях, фабриках трупов. Вы говорите, что она забывает о евреях, входивших в состав зондер-команд и поднявших восстание в лагере смерти Трешлинка, которые выжили и смогли дать свидетельские показания.

Э. Ф.: Именно так. В 1946 году, когда она пишет «Истоки тоталитаризма», она утверждает, что те, кто однажды причинял страдания, то есть палачи, эсэсовцы, на следующий день, в свою очередь, становились жертвами. Получается, что она представляет и палачей, и жертв одинаково.

В.: Ален, послушайте, что пишет Эмманюэль Фай: «Жертвы, по моему мнению, тоже несут ответственность. Ханна Арендт обвиняет евреев еще яростнее, чем позднее будет клеймить Эйхмана».

А. Ф.: Это невозможно слушать! Когда Ханна Арендт говорит о банальности зла, она не стремится показать, что это зло обыденно. Было совершено неслыханное — неслыханное! — зло, его совершили чиновники, бюрократы, и, таким образом, по вине нацизма преступление стало видом работы. Зло не банально, оно неслыханно. Я сейчас процитирую вам Макса Пикара, его книгу «Человек из небытия»³. Пикар — крупный теолог-протестант, и вот что он говорит:

В жестокости нацистов есть нечто новое и пугающее: она более не соразмерна человеку, но соразмерна чему-то вне человека, какому-то лабораторному прибору или адскому механизму. Жестокость нацистов исходит от промышленной машины или от человека, который целиком превратился в машину. Эта жестокость совсем не похожа на деяния Нерона или Калигулы.

Это что касается банальности зла.

Э. Ф.: Послушайте, для Арендт банальность зла — в утверждении, что Эйхман действовал без всякого мотива, бездумно. Однако Эйхман — что он говорит о себе, оказавшись в Аргентине? К «осторожному бюрократу», каким его видит Арендт, добавляется, как он сам говорит о себе на записи, которую можно послушать, «фанатичный борец за свободу своей крови». Он добавляет:

3. Picard M. L'homme du néant / J. Rousset (trad.). Neuchâtel: La Baconnière, 1946.

Для меня и для моего народа это стало священным долгом. Говорю вам начистоту: если бы мы сумели убить 10,3 миллиона евреев, я был бы удовлетворен и сказал бы, что мы уничтожили врага.

Итак, у Эйхмана есть стремление убивать, уничтожать, такое же, как у Гейдриха или Гимmlера, и он вовсе не бюрократ.

В.: Да, но почему вы связываете Хайдеггера, Ханну Арендт и Эйхмана?

Э. Ф.: Скажем так. Арендт предлагает очень ясную структуру, противопоставляя Эйхмана, бюрократа, исполнителя, лишённого собственной инициативы, Хайдеггеру, крупному мыслителю.

В.: И вы утверждаете, что она их связывает?

Э. Ф.: Она его оправдывает! Она сама это делает в своей книге «Жизнь ума»⁴, изданной посмертно.

А. Ф.: Ханна Арендт — тут я с вами согласен — ошиблась насчет Эйхмана. Но она не ошиблась насчет промышленного производства трупов, то есть насчет превращения зла в работу, бюрократизации преступления. Она считала Эйхмана чистым бюрократом, в то время как он скрывал свое истинное лицо, ведь на самом деле это был настоящий фанатик. Это действительно так. Но, кроме того, в конце этой книги (а книга эта, «Эйхман в Иерусалиме»⁵, крайне спорная) дает самое красивое, да что там, самое точное, самое верное и глубокое определение истреблению евреев как чего-то неслыханного, беспрецедентного, не имеющего аналогов.

В.: Можете ли вы признать, что она довольно часто неоднозначно высказывалась о евреях? Она всегда критиковала пассивность евреев, оказавшихся в лагерях. Она забыла о восстании в одном из лагерей, о чем мы только что говорили. Время от времени она говорила о том, что так называемые еврейские советы, созданные по требованию гестапо и гитлеровского режима, так называемые юденраты, сотрудничали с режимом.

4. См.: Арендт Х. Жизнь ума. СПб.: Наука, 2013.

5. См.: Она же. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008.

Э. Ф.: Простите! В главе книги «Эйхман в Иерусалиме», посвященной конференции в Ванзее, где было принято решение об истреблении европейских евреев, Арендт отводит самой этой конференции всего три абзаца и вообще представляет ее светским мероприятием, а Эйхмана рисует истинным бюрократом — что, как вы, Ален Финкелькраут, признаете, не соответствует действительности, поскольку он был фанатиком, преемником Гейдриха. А за этими тремя абзацами следуют девять страниц невероятно жестоких обвинений: евреи оказываются несущими часть ответственности за собственное истребление. А в конце она снова обращается к Гейдриху, основному идеологу истребления до его гибели от рук чешского Сопротивления, и говорит, что он якобы был наполовину евреем. Но это неправда, ни один историк этого не признает.

В.: А зачем она это делает?

Э. Ф.: Это способ показать, как велика доля вины, которую несут жертвы.

А. Ф.: Я не могу это слышать. Сначала по поводу вопроса прокурора «Почему вы не сопротивлялись?» Ханна Арендт отвечает, что этот вопрос глуп и жесток. Затем она повторяет слова Рауля Хильберга как раз о том, что, действительно, еврейские советы сыграли определенную роль в уничтожении евреев. И именно за это ее вполне справедливо критиковали. Но что касается Эйхмана...

В.: Ален, вы продолжаете ее критиковать? Зная, как все ею восхищаются?

А. Ф.: Я ее не критикую, но я не хочу, чтобы кто-то считал, что она пытается каким-то образом банализировать этот абсолютный ужас или как-то осудить его жертв. Что касается банализации, то она говорит Эйхману:

Вы утверждаете, что подчинялись, поскольку вы были чиновником, но политика — это не детский сад. В действительности вы поддерживали и проводили в жизнь политический курс, заключавшийся в отказе делить землю с еврейским народом и представителями некоторых других народов, как если бы вы и ваши начальники имели право решать, кто может, а кто не может жить в этом мире. Вот почему мы полагаем, что нельзя ожидать

ни от кого, ни от одного представителя человеческого рода, желания делить с вами землю. Поэтому и только поэтому вас следует повесить.

Читали ли вы, как в «Истоках тоталитаризма» она демонстрирует ужас концлагерей: сначала человека там уничтожают юридически, затем физически. Примо Леви в своей книге «Канувшие и спасенные»⁶ говорит о том, что нацисты организовывали особые команды, задачей которых было загонять евреев в печи. Именно высшая чудовищность этого действия — он говорит:

Мы господствующий народ, да, мы ваши губители, но вы не лучше нас; если мы захотим, а мы хотим этого, то уничтожим не только ваши тела, но загубим и ваши души, как загубили свои.

Арендт не обвиняет жертвы, но еще более подчеркивает ужас поступков палачей.

Э. Ф.: Я не думаю, что корректно использовать слова Примо Леви для оправдания Ханны Арендт. Финальная часть, финальные обвинения в книге Арендт «Эйхман в Иерусалиме» кажутся мне шокирующими. Дело в том, что там приведена обвинительная речь, которую произносят трое судей. Они говорят о преступлениях против человечества, о преступлениях против евреев. Нововведение в праве — это представление о преступлениях против человечества. Так вот, Арендт критикует Нюрнбергский процесс, процесс в Иерусалиме (она полагает, что его не нужно было проводить в Израиле) и предлагает собственное обвинительное заключение, в основе которого лежит понятие земли, притом что в 1946 году она сама утверждала, что «земля» и «народ» суть философские мифологемы.

А. Ф.: Речь не о земле и народе, а о земле, на которой мы все живем, о планете, о земном шаре. Что представляет собой нацистский геноцид? Они преследовали евреев вплоть до Шанхая, то есть они полагали, что могут решать, кому можно жить на земле, а кому нет. Такого никогда раньше не случалось. Она демонстрирует беспримерную уникальность, жестокость, чудовищность этого.

6. См.: *Леви П. Канувшие и спасенные*. М.: Новое издательство, 2010.

В.: Посмотрите, что пишет Эмманюэль Фай: «В наши дни невозможно использовать тексты Ханны Арендт в качестве основы для защиты прав человека».

Э. Ф.: Потому, что сегодня существует целая школа, полагающая, что Арендт все же стоит на стороне критиков Французской революции, поскольку она согласна с идеями Бёрка и его последователей, утверждающих, что человек не существует. В своих первых статьях, малоизвестных (они не были переведены на французский), а также в своей диссертации Арендт говорит: «Человека вообще не существует». У нее нет универсальной концепции, такой, как у Канта или Декарта... Проблема также в том, что Арендт радикально отделяет политику от экономической и социальной жизни, от трудовой жизни. Она поясняет: труд еще не очеловечивает. Тот, кого она вслед за Хайдеггером называет «трудящимся животным, *animal laborans*», — это еще не человек. Таким образом, существует лишь крайне малое количество людей, допущенных к политическим действиям.

В.: Вот почему вы полагаете, что она разработала теорию аристократизма в политике...

А. Ф.: Я не понимаю этого! В своем эссе о революции она восхваляет советы рабочих, советы студентов, советы интеллектуалов, расцветшие пышным цветом во время Венгерской революции 1956 года. Основная идея Ханны Арендт состоит в том, что человек может полностью самореализоваться только в общественном пространстве, поэтому общественное пространство должно быть открыто для всех. Ее преследует эта идея — вот откуда, собственно, и берется ее критическое отношение (пожалуй, чересчур критическое) к представительской системе, которую она называет олигархической. Так вот, обвинять ее в политическом аристократизме абсурдно.

Э. Ф.: Вот позвольте: две фразы Ханны Арендт о современном человеке. Она говорит: «В эгалитарном обществе более не существует политической аристократии», о чем она сожалеет. И продолжает: «Различия между человеком и животным разделяют человечество», таким образом, человечество включает в том числе и тех, кто человеком не является. И далее: «Только лучшие, сумевшие утвердить себя в качестве лучших, утверждают себя в качестве людей, а остальные живут и умирают подобно животным».

В.: Получается, что это влияние Хайдеггера? Нациста Хайдеггера?

Э. Ф.: Это героизация политического действия. Те немногие, кто получает доступ к политике, представляются героями, а остальные... Она утверждает, что вне политической сферы человек не существует в истинно человеческом качестве. А что касается советов, Арндт хвалит революционные советы, но говорит, что их не следует путать с советами рабочих.

В.: Вы знаете этот журнал? Журнал *Cités* под редакцией Шарля Зарка. Этот его выпуск полностью посвящен Ханне Арндт. В нем высказались в основном благосклонные к ней философы, но при этом редактор всерьез пересматривает ее идеи. Вот его итог:

Анализ современности, предложенный Ханной Арндт, неполон и пристрастен. Подробное его исследование могло бы поставить под вопрос все идеи Ханны Арндт, как исторические, так и философские.

А. Ф.: Тем лучше для него.

В.: «Однако приходится признать, что эта грубая карикатура на современный мир, к сожалению, получила одобрение многих [возможно, в том числе, и ваше, Ален Финкелькраут?], тех, кто полагает, что именно концлагеря и есть вся правда о современном мире».

А. Ф.: Она никогда, никогда этого не говорила. Что интересно у Ханны Арндт, это, если хотите, ее способность одновременно радикально и глубоко критиковать тоталитаризм и в то же время удивительно трезво оценивать общество потребления. И в этом ее сила. Она отказывается принять противопоставление, которое лежит в основе целого направления в философии, сформировавшегося начиная с 1970-х годов, представители которого утверждали, что перед лицом тоталитаризма демократия, в рамках которой все мы живем, безупречна. Нет, говорит Ханна Арндт. Ханна Арндт была патриотом Америки и, кстати, к изумлению Левинаса, искренне пела американский гимн. Она превозносила (шокируя многих французов) Американскую революцию над Французской. Она, если хотите, истинный демократ, но она в то же время задается вопросом о будущем нашего общества в современную эпоху.

Э. Ф.: Давайте обсудим. Американская революция не уничтожила рабство, для этого понадобилась чудовищная гражданская война. В то же время Французская революция положила конец рабству.

В.: Согласен. Вы цитируете тексты Ханны Арендт, в которых она высказывалась против того, чтобы детям, наследникам американских негров, предоставлялись определенные права?

Э. Ф.: Да. С 1968 года, работая в «Нью-Йорк Таймс», она обращается к так называемому черному вопросу и утверждает, что допуск чернокожих студентов в университеты представляет собой большую угрозу для наших институтов высшего образования.

А. Ф.: Нет, вы же говорите черт знает что!

Э. Ф.: Нет, но она же это говорит!

А. Ф.: Ну вы же не станете представлять ее расисткой! Послушайте, хотя она и была против политики антисегрегационной перевозки школьников⁷, но...

Э. Ф.: Позвольте мне договорить!

А. Ф.: Тогда делайте ее нацисткой, если на то пошло! Надеюсь, ваша следующая книга будет посвящена Левинасу, потому что с ним тоже нужно разобраться! И Йонас, и Паточка — все эти ученики Хайдеггера!.. Вы нацифицируете всю философию XX века!

Э. Ф.: Йонас и Левинас — совсем другое дело.

В.: Вы представляете ее нацисткой?

Э. Ф.: Нет.

А. Ф.: Да нет же, именно это вы и делаете!

Э. Ф.: Нет. Проблема в том, что Арендт придерживается этнического представления о человеке, а это представление потенциаль-

7. *Desegregation busing* (англ.) — перевозка школьников в школы другого района в целях расовой интеграции.

но расистское. Я просто зачитаю то, что она написала Ясперсу 13 апреля 1961 года. Только что закончился процесс Эйхмана, и вот что она говорит: «На самом верху стоят судьи, элита немецкого еврейства. Под ними — прокуроры, галицийцы, снова европейцы. Все мероприятие организует не внушающая доверия полиция, полицейские говорят только на иврите, есть еще какой-то араб». И продолжает: «Они подчиняются неизвестно чьим приказам». И добавляет: «У дверей собирается восточный сброд, как будто дело происходит в Стамбуле или в какой-то полуазиатской стране». И так, она явно всех делит на этносы.

В.: Понятно. Действительно ли вы сейчас готовы обвинить Ханну Арендт в расизме?

Э. Ф.: Я говорю то, что вижу по ее текстам, — у нее было четкое представление об этносах.

А. Ф.: Вы цитируете всего лишь какое-то письмо! Ханна Арендт в определенный момент была сионисткой. Она критиковала национализм как раз потому, что, по ее представлениям, в основе сионизма лежит слишком этническое представление о нации. Она выступала за все возможные методы примирения с арабским миром, за включение Израиля в этот мир. Так вот, делать Ханну Арендт расисткой на основании одного письма Ясперсу — это вовсе не философия, и это уже никак не связано со всем ее интеллектуальным наследием.

Э. Ф.: Давайте процитируем, к примеру, «Истоки тоталитаризма». Размышляя о роли африканских племен, она пишет: «Эти дикие племена живут и умирают, не внося никакого вклада в общую жизнь всего мира». Таким образом, она исключает их из истории, из политики... Кроме того, она полагала, что в США в период борьбы за гражданские права не следовало, вопреки мнению американского правительства, допускать в школы чернокожих детей. У нее есть очень жестокие идеи. В 2014 году вышла книга Кэтрин Джайнс «Ханна Арендт и негритянский вопрос»⁸, очень популярная в США. Во Франции о ней вообще не говорили. Когда я попытался ее перевести, то наткнулся на стену. Я полагаю, это большая проблема. Арендт — не гуманистка, для нее нехарактерно

8. См.: *Gines K. T. Hannah Arendt and the Negro Question*. Bloomington: Indiana University Press, 2014.

рен универсалистский взгляд на человечество, она разделяет людей на политические сообщества...

А. Ф.: Это неправда.

Э. Ф.: ...доступные только избранным... В политическом плане это катастрофа.

А. Ф.: Она говорит, что человечество — это исключительное сообщество, что его особенность — в множественности и разнообразии людей. Множественность означает, что все мы похожи друг на друга и в то же время все мы разные. Все похожи и все разные! Где тут расовая иерархия? Нигде!

В.: Получается, что вы оба обращаетесь к совершенно разному прочтению одних или даже разных текстов одного и того же философа. Но почему вы так настойчиво, так одержимо выступаете против Хайдеггера?

Э. Ф.: Это не одержимость. Моя специализация как философа — это прежде всего гуманистическая мысль.

В.: Но что для вас представляет Хайдеггер?

Э. Ф.: Как и у всего моего поколения, у меня в старшей школе и в университете половина преподавателей были хайдеггерианцами. И у нас все время присутствовал своеобразный философский шантаж: когда я не вписывался в рамки этих идей, мне говорили, что я еще не научился думать.

В.: То есть вы сейчас сводите счеты?

Э. Ф.: Нет, я пытаюсь доказать, что нельзя использовать в качестве парадигмы, в качестве философской модели представления того, кто, как нам сегодня известно, начиная с 1933 года призывал своих студентов-философов к «полному истреблению внутреннего врага». Ален Финкелькраут, я не понимаю, как вы можете спокойно читать эти тексты. 1941 год — момент, когда начинается уничтожение евреев на Восточном фронте, на Украине. И что говорит Хайдеггер? Он говорит, что высшая цель политики — принудить врага к самоуничтожению. Получается, что он оправдывает холокост тем, что...

В.: Но Хайдеггер — это не Ханна Арендт, а Ханна Арендт — не Хайдеггер.

Э. Ф.: Да, именно об этом я и говорю. В конце концов, их следует разделять.

В.: Вы говорите, что он оказал на нее слишком сильное влияние. Считаете ли вы также, что Хайдеггера сегодня слишком много изучают во французских университетах и что его роль и влияние чересчур велики?

Э. Ф.: Я хотел бы сказать еще кое-что о Ханне Арендт. Крайне интересно то, что в годы жизни в Париже и в начале жизни в Нью-Йорке, то есть с 1935 по 1945 год, она разрабатывает весьма впечатляющий критический взгляд на антисемитизм в Германии и даже критикует Хайдеггера в 1946 году. Но, к несчастью, в определенный момент она сама попадает в ловушку этого подхода.

В.: Да-да, она пересматривает свой подход, но что она делает в 1969 году, в год 80-летия Хайдеггера? Она произносит хвалебную речь в его честь. Действительно ли она оказала слишком большое влияние на французских и европейских интеллектуалов? Как вы считаете?

А. Ф.: Вопрос, безусловно, не в том, оказала она влияние или нет. Есть книги, которые мы всегда держим открытыми, как сказал Рикёр. И для меня, как и для других эссеистов, философов, интеллектуалов, образованных людей, книги Ханны Арендт относятся как раз к этой категории, точно так же, как, к примеру, «Доклады и статьи» Хайдеггера⁹.

В.: Подождите, я хочу задать вам обоим короткий вопрос. Вы читаете на немецком?

Э. Ф.: Да.

В.: А вы?

А. Ф.: Нет. Я не читаю на немецком. И что с того?

9. См.: *Heidegger M. Vorträge und Aufsätze*. Pfullingen: Günther Neske, 1954.

В.: Дело в том, что, возможно, есть идеи, письма, документы...

А. Ф.: Речь не о письмах, а о наследии.

В.: Мой вопрос состоит в следующем: читая тексты Ханны Арендт, вы, Ален Финкелькраут, точно так же продолжаете считать ее иконой политики, морали, культуры или все же вы, сквозь призму прочитанного, готовы пересмотреть роль Ханны Арендт в философии и ее влияние на современников?

А. Ф.: Ханна Арендт никогда не была для меня иконой. Никто не мыслит иконами, мыслить — не означает подчиняться, поддаваться чарам, колдовству, мыслить — не значит преклонять колени. Я мыслю с Ханной Арендт и продолжу так мыслить. Что касается Хайдеггера, то Левинас утверждал, что мы перед ним в долгу, и добавлял, что мы с сожалением выплачиваем этот долг. Сожаление лишь возрастает по мере того, как мы читаем, — во всяком случае то, что мы можем прочесть, поскольку мы не всё еще читали (например, «Черные тетради»), но тем не менее сожаление остается. Я же продолжаю нуждаться в Ханне Арендт, она помогает мне ориентироваться в этом мире, осмысливать реальность, в которой я живу. Я считаю, что предложенная ею критика общества потребления в том виде, в котором она изложена в «Ситуации человека»¹⁰, просто неоценима.

В.: Ханна Арендт нужна вам, чтобы мыслить. Но возможно ли, что вы измените свое мнение на основе всех документов и текстов, которые публикуются сегодня?

А. Ф.: Нет. Я не понимаю, какие документы могли бы ее скомпрометировать. Я не вижу, где Ханна Арендт клеветает на евреев и других жертв, и я уже объяснил вам почему. У меня возникли значительные сомнения по поводу ее книги об Эйхмане, тогда как «Истоки тоталитаризма» я считаю великим произведением. Так вот, о ее отношениях с Хайдеггером было известно задолго до появления книги Эмманюэля Файя. Что касается ее нацификации Хайдеггером, то с этим я совершенно не согласен.

Э. Ф.: Ален Финкелькраут, мне жаль, что вы выбрали для себя не тех учителей, потому что в наше время, в XX веке, есть великие

10. См.: *Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни* / Пер. с нем. и англ. В. В. Библихина. СПб.: Алетейя, 2000.

философы культуры, к примеру Эрнст Кассирер или Ханс Блюменберг. Ханна Арендт не внесла своего вклада в культуру, она говорит о том, что культура — это способность выбирать себе друзей, это слишком избирательная концепция.

А. Ф.: Потрясающе! Вы хотите сказать, что культура не избирательна? Культура — это выбор своих спутников из числа живых и умерших. Именно этими словами она завершает...

Э. Ф.: Но позвольте, ее друзья — это не Кассирер, это Хайдеггер. Ее выбор абсолютно пристрастен, я не стал бы делать такой же выбор.

В.: Извините, я не имею в виду лично вас. Но может ли быть, что тот, кто нападает на Ханну Арендт, сам отчасти скрытый антисемит, раз он показывает ее связь с нацизмом?

Э. Ф.: Если вы действительно так считаете, я буду этим крайне оскорблен. Я уже сказал, что отношу Ханну Арендт к жертвам. Я никоим образом не высказываю негативного мнения относительно ее личности. Это энергичная, смелая женщина. Мне лишь жаль, что она, как она сама и говорит, пошла по стопам Хайдеггера, стремившегося разрушить философию.

В.: Но при этом она остается для вас крупным философом, важной фигурой в философии?

Э. Ф.: Послушайте, она сама утверждает, что философия исчезла, что ее следует разрушить. Она так говорит в своем интеллектуальном завещании «Жизнь ума». Таким образом, она, очевидно, выступает против философии. Она вслед за Хайдеггером противопоставляет друг другу мифологизированную мысль и целую философскую традицию, которую она считает завершенной. Я полагаю, что философская традиция есть развитие, эмансипация человеческого существа в его совокупности, и именно ее нам следует сегодня поддерживать. Нам не следует выбирать себе учителей, которые ведут нас к разделению и даже истреблению человеческого общества.

В.: Эмманюэль Фай, действительно ли вы утверждаете, что нам следует бойкотировать Хайдеггера, сократить его влияние? Это же относится к Арендт?

Э. Ф.: Нет, не бойкотировать. Сейчас я готовлю для своих студентов-магистров семинар по кризису культуры. Я полагаю, что в магистратуре уже можно критически читать Ханну Арендт. Считаю, что к чтению Арендт нужно подходить с философской, с критической точки зрения, но ее, безусловно, все еще нужно читать. Не нужно отказываться от чтения ее текстов.

В.: Прекрасно, но в то же время вы говорите (это последнее предложение в его книге, в книге Эмманюэля Файя): «Пришло время разбить идол Хайдеггера». Можно ли разбить, растоптать эту оболочку, но в то же время защитить Ханну Арендт?

Э. Ф.: Я не защищаю Ханну Арендт, которая заступает за Хайдеггера. Конечно, нет.

В.: Но Ханну Арендт — философа вы защищаете?

Э. Ф.: Нет, не как философа. Но как свидетеля всех трагедий XX века.

В.: Ален Финкелькраут, нужно ли разбить идол Хайдеггера?

А. Ф.: У любого философа, достойного этого звания, нет идолов. Что касается Ханны Арендт, то она, безусловно, участвовала в процессе, который Деррида впоследствии назвал деконструкцией. Это действительно так. Но тогда нужно нападать и на Деррида, еще одного зараженного философа-еврея.

В.: Он утверждал, что Хайдеггер — это его *contre-maître*¹¹.

А. Ф.: Да, но он очень многим ему обязан. В частности, от него он взял понятие деконструкции. Но все же: крупный философ, которого сумела противопоставить Хайдеггеру Ханна Арендт, — это как раз Кант, именно потому (и это удивительно!), что для нее Хайдеггер, помимо прочего, еще и человек, не имевший никакого политического чутья. А она хотела, вопреки Хайдеггеру, реабилитировать общественное пространство, общественное достоинство. Она пыталась говорить о *vita activa*, о политической жизни, и в этом был ее ответ Хайдеггеру. Она была в большом долгу перед ним, но значительная часть ее философии, и в особенности «Со-

11. Игра слов: «антиучитель» и «мастер, прораб».

стояние человека», построены против всего того, что казалось ей слабостями, недостатками, слепотой Хайдеггера.

Э. Ф.: Арндт пишет Хайдеггеру о «Состоянии человека»: «Эта книга обязана тебе всем, во всех отношениях». И как раз Арндт явно и недвусмысленно вводит Хайдеггера в политологию. Она его совершенно не критикует... Вы говорили, что Хайдеггера не следует воспринимать как икону. В этом я с вами согласен. Но Арндт, к сожалению, сделала его тайным королем мысли. Именно в этом я с ней и не согласен.

В.: Все ясно, вы критиковали Ханну Арндт, но не обвиняли ее.

Э. Ф.: На личном уровне — нет.

В.: Вы не были ее обвинителем, тогда как вы, Ален Финкелькраут, были блестящим защитником.

А. Ф.: Ну насчет «блестящим» не уверен.

В.: Нет-нет, именно блестящим. В том-то и дело: я считаю, что дискуссия должна присутствовать везде — взять хотя бы дебаты о Хайдеггере в России. Но вернемся к вам, вы сами предложили новые критические суждения о философе Ханне Арндт, новую основу для дискуссии. Спасибо вам обоим за то, что вы заложили эту основу для дискуссии об этих двух философах в «Библиотеке Медичи».

*Программа «Библиотека Медичи» (телеканал Public Sénat)
Париж, 11 ноября 2016 года*

Библиография

- Faye E. Arendt et Heidegger. Extermination nazie et destruction de la pensée. P.: Albin Michel, 2016.
- Faye E. Heidegger — l'introduction du nazisme dans la philosophie: autour des séminaires inédits de 1933–1935. P.: Albin Michel, 2005.
- Gines K. T. Hannah Arendt and the Negro Question. Bloomington: Indiana University Press, 2014.
- Heidegger M. Vorträge und Aufsätze. Pfullingen: Günther Neske, 1954.
- Picard M. L'homme du néant / J. Rousset (trad. de l'allemand). Neuchâtel: La Baconnière, 1946.
- Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В. В. Бибикина. СПб.: Алетейя, 2000.
- Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008.
- Арендт Х. Жизнь ума. СПб.: Наука, 2013.
- Леви П. Канувшие и спасенные. М.: Новое издательство, 2010.

ARENDT PRO/CONTRA HEIDEGGER: A DISCUSSION

EMMANUEL FAYE. Professor, Department of Philosophy, emmanuel.faye@univ-rouen.fr.

University of Rouen Normandy (UR), 1 rue Lavoisier, Mont-Saint-Aignan 76821, France.

ALAIN FINKIELKRAUT. Member emeritus, Department of Humanities and Social Sciences (HSS), alain.finkielkraut@polytechnique.edu.

École Polytechnique, Département humanités et sciences sociales, Palaiseau 91128, France.

Keywords: Martin Heidegger; Hannah Arendt; Heidegger's impact on Arendt; Nazism and philosophy; Alain Finkielkraut; Emmanuel Faye.

In November 2016 the French TV show *Bibliothèque Médicis* arranged a debate between two well-known French philosophers, Emmanuel Faye and Alain Finkielkraut. It was devoted to the former's book *Arendt and Heidegger: Nazi Extermination and the Destruction of Thought* published a decade after his book *Heidegger: Introduction of Nazism into Philosophy*. The focus of the discussion was not only the impact of Nazism on Heidegger's philosophy (the topic of the earlier book) but also Hannah Arendt's post-War efforts to whitewash Heidegger's entanglement with Nazism. According to Faye, those efforts should be seen as more than the harmless aftermath of previous intimate relations between these two individuals.

Faye thinks that Heidegger's influence on Arendt lasted much longer than her university study (and their affair). He detects an antidemocratic stance in Arendt's positions, e.g. in her assessment of "Jewish guilt" for the Holocaust, in the "Race Question" (on the role of Afro-Americans in American culture), and of issues in ethnicity, technology, and consumption. Finkielkraut stressed the crucial importance of Arendt's ideas for our contemporary self-consciousness, as well as the multiple fertile influences of Heidegger's thought upon the current intellectual scene, particularly in France.

DOI: 10.22394/0869-5377-2018-3-183-203

References

- Arendt H. *Banal'nost' zla. Eikhman v Ierusalime* [Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil], Moscow, Europe, 2008.
- Arendt H. *Vita activa, ili O deiatel'noi zhizni* [Vita activa oder Vom tätigen Leben] (trans. V. V. Bibikhin), Saint Petersburg, Aleteia, 2000.
- Arendt H. *Zhizn' uma* [The Life of the Mind], Saint Petersburg, Nauka, 2013.
- Faye E. *Arendt et Heidegger. Extermination nazie et destruction de la pensée*, Paris, Albin Michel, 2016.
- Faye E. *Heidegger — l'introduction du nazisme dans la philosophie: autour des séminaires inédits de 1933-1935*, Paris, Albin Michel, 2005.
- Gines K. T. *Hannah Arendt and the Negro Question*, Bloomington, Indiana University Press, 2014.
- Heidegger M. *Vorträge und Aufsätze*, Pfullingen, Günther Neske, 1954.
- Levi P. *Kanuvshie i spasennye* [I sommersi e i salvati], Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2010.
- Picard M. *L'homme du néant* (trad. de l'allemand J. Rousset), Neuchâtel, La Baconnière, 1946.